

НАРОДНЫЕ ИСТОКИ МИРОВОЗЗРЕНИЯ
ЖАНА МЕЛЬЕ

Из ИСТОРИИ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИДЕЙ

Сборник статей

к 75-летию академика

Вячеслава Петровича Волгина

М.: изд-во АН СССР. 1955. С.213-237

Веб-публикация: библиотека *Vive Liberta* и Век Просвещения, 2010.

Дополнительные ссылки на материалы в сети даны нами после статьи.

*То, что в народе живет как возможность,
проявляется в гении как действительность.*

Белинский

Каков генезис идей Жана Мелье? Ответ на этот вопрос следует искать, с одной стороны, в окружавшей его общественной жизни, с другой стороны, в идейном наследстве, которым он располагал и воспользовался.

Вторая сторона вопроса не входит в тему этой статьи. Отметим лишь совершенно кратко, что «Завещание» Мелье связано почти только с французской идейной традицией и не обнаруживает даже знакомства автора с английским или итальянским утопическим социализмом (Мор, Кампанелла, Уинстенли), с английской материалистической философией (Бэкон, Гоббс, Локк), с идеологическим наследием великих революционных бурь в Германии XVI в., в Нидерландах XVI в., в Англии XVII в. Напротив, идейное наследие классовых битв во Франции XVI—XVII вв. хорошо известно Жану Мелье и использовано им. Вопрос о том, что же именно он использовал из идейных французских традиций, косвенно привел бы нас опять-таки к вопросу о народных истоках этих традиций.

Так, Мелье широчайшим образом использует «Трактат о добровольном рабстве» Ла Боэси, возникший, по нашему мнению, в обстановке народного восстания в Гиени в 1547—1548 гг. и отразивший опыт и итоги народной борьбы, хотя и в очень отвлеченной форме. Мелье ни разу не называет имени Ла Боэси, но подчас почти буквально повторяет его положения¹ — такое странное на первый взгляд явление объясняется, несомненно, тем, что «Трактат» Ла Боэси после XVI в. был впервые опубликован в 1727 г. в собрании сочинений Монтеня без указания на авторство Ла Боэси. Это проливает дополнительный свет на причины исключительного уважения Жана Мелье к Монтеню. Это же, кстати, помогает и точно датировать завершение «Завещания» временем между 1727 и 1729 гг. (Мелье умер в мае 1729 г.).

Мелье принял некоторые идеи «тираноборцев» второй половины XVI в., именно те, в которых отразилось революционное отношение к монархии и сознание права народа на их насильственное низвержение, — плод гражданских войн второй половины XVI в. Он широко использовал критику конфессиональной ортодоксии, данную Монтенем, Шарроном и другими представителями религиозного скептицизма конца XVI в., — косвенный плод того разочарования в религиозных знаменах, которое рельефно выступило в настроении народных масс к концу войн католической Лиги с гугенотами. У Декарта и картезианцев он воспринял научно-философский демократизм: требование ясности для всех, общедоступ-

* Статья представляет собой отрывок из монографии о Жане Мелье и его времени.

¹ Это справедливо отмечено В. П. Волгиным во вступительной статье к «Завещанию» Жана Мелье (т. I, 1954, стр. 24)

ности каждому простому уму подлинной истины, отражавшее натиск на ту каменную стену, которой была отгорожена ученость от народа. Мелье ссылается на публицистику Фронды,— она рождалась на улице и для улицы, нередко несла в себе приглушенные отголоски волнения народа и народных умов, как и сама Фронда была в известном смысле результатом двадцатипятилетнего нарастания народных восстаний во Франции. Есть основания считать, что Мелье опирался и на антиабсолютистскую литературу второй половины XVII в., в том числе не только на «Похождения Телемака» Фенелона, но и на нелегальные «Вздохи порабощенной Франции» (1689—1690), отразившие, пусть преломленно, неполно, те бедствия и отчаяние народных масс, которые через десять лет привели к восстанию «камизаров» в Лангедоке и народным движениям в других провинциях.

Но все же через все эти памятники общественной мысли голос народных масс Франции мог достигнуть Мелье лишь приглушенным, искаженным, как далекое эхо. Не в использованной им литературе надо искать главный источник его мировоззрения. Эта мысль принадлежит В. П. Волгину: «Конечно, не в книгах, а в живой жизни источник революционного настроения Мелье. Жизнь нищей и угнетенной деревни сделала его демократом и революционером»¹. В. П. Волгин справедливо отмечает, что и пассивное крестьянское сопротивление и открытые крестьянские восстания, вспыхивавшие то в одних провинциях, то в других, были той социально-политической средой, в которой возникло «Завещание» Мелье². И подводя итог своему исследованию о Жане Мелье и его «Завещании», В. П. Волгин снова формулирует тезис, что истоки в высокой степени передовых для того времени идей Мелье надо искать в условиях жизни, революционных настроениях и чаяниях широких масс французского крестьянства, в толще народа. «Революционно-демократическая страстность, пишет В. П. Волгин,— так резко выделяющая «Завещание» Мелье из всей социалистической и материалистической литературы XVIII века, порождена, несомненно, социальными отношениями французской деревни. Те же деревенские отношения определили характер основной ячейки идеального общества Мелье — приходской общины. Мелье интересен не только как отдаленный предшественник современного коммунизма. Его «Завещание» важно для историка, как симптом, как своеобразное отражение тех революционных настроений и социальных чаяний, которые в период кризиса феодально-крепостнического строя зарождались в сознании находившейся на грани нищеты деревенской бедноты. Этот замечательный документ — свидетельство глубинных течений в обездоленной крестьянской массе, течений, которые столетия спустя, в 1789 году, бурно вырвавшись на поверхность, опрокинули и феодальный порядок, и абсолютную монархию»³. Всецело присоединяясь к такому мнению, мы видим дальнейшую задачу в том, чтобы исследовать более пристально и методологическую и конкретно-историческую стороны вопроса.

В статьях В. И. Ленина «О „Вехах“», «Л. Н. Толстой» и других, в его анализе истоков мировоззрения русских революционных демократов — Белинского, Добролюбова, Чернышевского, а отчасти и Толстого содержатся мысли, приложимые и к Мелье. Прямые аналогии между ними, разумеется, недопустимы, но в теоретическом плане тут есть и некоторые общие стороны, и В. И. Ленин прямо подтверждает это, отсылая в этих статьях читателя и к примеру великого общественного движения

¹ В П Волгин Указ статья, стр 23.

² Там же, стр 10—11.

³ Там же, стр 51—52.

конца XVIII в. во Франции как образцу «самого глубокого и широкого демократического движения масс». Русское общественное движение, выдвинувшее революционных демократов, было по словам В. И. Ленина, движением «однородного типа» с французской революцией¹. Мы считаем правильным в основном применять к Жану Мелье понятие революционный демократ. Социальная основа мировоззрения Жана Мелье — «однородного типа» с социальной основой мировоззрения русских революционных демократов при всем глубочайшем различии породивших их исторических эпох.

Кадетские «Вехи» объявили Белинского, Добролюбова, Чернышевского вождями «интеллигентов», их атеизм, материализм, революционный демократизм — «интеллигентским настроением», которому, наряду с прочими пороками, присуще «народопоклонничество». В. И. Ленин разил «Вехи» их же примерами: «Или, может быть, по мнению наших умных и образованных авторов, настроение Белинского в письме к Гоголю не зависело от настроения крепостных крестьян? История нашей публицистики не зависела от возмущения народных масс остатками крепостнического гнета?»². Нет, говорил В. И. Ленин, в русской передовой мысли XIX в. отразилось не «интеллигентское настроение», а именно настроение крепостных крестьян против крепостного права, отразилась история протеста и борьбы самых широких масс населения против остатков крепостничества во всем строе русской жизни, отразились интересы самых широких масс населения в борьбе за элементарнейшие права народа, нарушаемые крепостническими учреждениями³.

Таков ясный и простой ленинский анализ социальной основы мировоззрения русских революционных демократов XIX в.

В анализе В. И. Лениным мировоззрения Л. Н. Толстого эти же положения характеризуют одну, прогрессивную сторону «толстовства» Толстой принадлежит целиком к пореформенной эпохе 1861—1904 гг., когда крестьянство испытывало уже не только революционную ненависть к пережиткам крепостничества, но также отчаяние и растерянность перед новой, капиталистической «свободой», означавшей новые ужасы разорения, голодной смерти, бездомной жизни⁴. Поэтому мировоззрение Л. Н. Толстого, в отличие от мировоззрения революционных демократов, характеризуется двойственностью, в нем налицо не только демократическая, но и реакционная сторона.

И ту, и другую сторону творчества Л. Н. Толстого В. И. Ленин выводит из психологии крестьянской массы. Нам интересна сейчас прогрессивная, демократическая сторона, проявлявшаяся, разумеется, в свойственной крестьянству утопической форме, — то общее, что есть у Л. Н. Толстого с революционными демократами. Однако мировоззрение Л. Н. Толстого в целом было бесконечно далеко от мировоззрения революционных демократов, тем более Жана Мелье. Поэтому наша задача состоит отнюдь не в поисках сходства между ними, а только в уяснении некоторых черт метода, примененного В. И. Лениным для анализа прогрессивной стороны мировоззрения Л. Н. Толстого. «Толстой велик, — пишет В. И. Ленин, — как выразитель тех идей и тех настроений, которые сложились у миллионов русского крестьянства ко времени наступления буржуазной революции в России... века крепостного гнета и десятилетия форсированного поре-

¹ См. В. И. Ленин. Соч., т. 16, стр. 109—110.

² Там же, стр. 108.

³ См. там же.

⁴ См. там же, стр. 294.

форменного разорения накопили горы ненависти, злости и отчаянной решимости. Стремление смести до основания и казенную церковь, и помещиков, и помещичье правительство, уничтожить все старые формы и порядки землевладения, расчислить землю, создать на место полицейски-классового государства общежитие свободных и равноправных мелких крестьян,— это стремление красной нитью проходит через каждый исторический шаг крестьян в нашей революции, и несомненно, что идейное содержание писаний Толстого гораздо больше соответствует этому крестьянскому стремлению, чем отвлеченному „христианскому анархизму“, как оценивают иногда „систему“ его взглядов¹. Критика Толстым окружающих порядков потому отличалась такой силой чувства, такой страстностью, убедительностью, свежестью, искренностью, бесстрашием в стремлении «дойти до корня», найти настоящую причину бедствий масс, что эта критика отражала настроение миллионов крестьян². Л. Н. Толстой, говорит В. И. Ленин, сумел с замечательной силой передать настроение угнетенных широких масс, «выразить их стихийное чувство протеста и негодования», накопленное веками, против старого средневекового землевладения, и помещичьего, и казенно-«надельного». словом, существующего порядка частной поземельной собственности; против крепостного права; против крепостнического и полицейского государства, помещичьей монархии, с чиновничьим произволом и грабежом; против полицейско-казенной церкви, с ее иезуитизмом, обманом и мошенничеством³. Вместе с тем Толстой бичевал и разоблачал внутреннюю ложь всех тех учреждений, при помощи которых держались господствующие классы и все современное ему общество: не только государство, церковь, частную поземельную собственность, но и суд, милитаризм, «законный» брак, буржуазную науку⁴.

Оставим в стороне реакционную сторону толстовства: «непротивление злу», «отстранение от революционной борьбы 1905—1907 гг., проповедь новой, очищенной религии и т. д. Обратим внимание на методологическую сторону ленинской постановки вопроса об отражении «настроения» народной массы, «стихийного чувства» крестьянства в идеологии, в сознании некоторых писателей и мыслителей⁵. Здесь есть известная философская трудность: «настроения», «чувства» — это еще не сознание и даже нечто

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 183—184.

² См. В. И. Ленин. Соч., т. 16, стр. 302.

³ См. Там же, стр. 294.

⁴ См. Там же, стр. 323.

⁵ Недавно опубликованы воспоминания В. Д. Бонч-Бруевича «В. И. Ленин об устном народном творчестве» («Советская этнография», 1954, № 4). Автор сообщает, что, ознакомившись с обращавшимися в XIX в. в народе рукописями сектантского характера, составленными авторами из народной среды, отражавшими смутные чаяния народных масс. В. И. Ленин сказал: «Да, да.. Так оно и похоже... Это то, что в Англии было в XVII веке». Есть подробнейшие библиографии сочинений русских философов, добавил В. И. Ленин, «а вот библиографии произведений народной философской мысли,— хотя бы это и был XVII век в XIX столетии,— вот этого нет. А ведь это куда более интересно, чем эта так называемая «философская» дребедень многих и многих наших философов из буржуазной интеллигенции». Ознакомившись со сборником записей народных «плачей», В. И. Ленин сказал: «ведь это действительно народные думы, сама каторжная жизнь народа!». Он связал их с творчеством Толстого и Некрасова: «Наши классики несомненно отсюда, из народного творчества, нередко черпали свое вдохновение», и выразил желание: «Надо докопаться до скрытых, тайных песен, плачей, сказок, сатир — они должны быть, и в них мы найдем много нового и, вероятно, особо ценного». Отмеченные В. И. Лениным карандашом в этом сборнике места в целом образуют, говорит В. Д. Бонч-Бруевич, «связную гамму глубоко проникновенных крестьянских переживаний, высказываний, печали и тоски, сквозь которые изредка, как бы скрытно, проскальзывают нотки вспыхивающего затаенного гнева и пламенного желания сбросить помещичье-царский гнет, утеснения и вековечное издевательство» (стр. 119—121).

противоположное сознательности, что мы и подчеркиваем словом «стихийность». Вглядевшись, как В. И. Ленин разрешает эту трудность, мы как раз и получим руководящую нить для аналогичной постановки вопроса в отношении Жана Мелье.

У Ленина речь тут идет прежде всего о тех явлениях общественной жизни, прот и в которых направлены крестьянские настроения и чувства. Речь идет прежде всего не об идеалах и целях, а о протесте и ненависти. И в самом деле, если мы хотим определить, в чем суть «стихийности» массового движения, в отличие от «сознательности», мы в первую очередь должны отметить, что «стихийное» движение — это борьба не столько «за» что-либо, сколько «против» чего-либо. Массам, испытывающим разорение, нищету, отчаяние, сама жизнь ясно показывает ближайшие источники бедствий. Стихийное движение и есть преимущественно негативное движение, более или менее ясно видящее врагов, но не имеющее сколь-нибудь ясной программы ни для успешной борьбы с ними, ни для общественного переустройства. В стихийном движении доминирует отрицание, протест, ненависть. Конечно, и это уже есть некоторый зачаток сознательности, но еще негативной, и поэтому мы его точнее определяем понятиями «настроение», «чувство». В. И. Ленин, анализируя проблему стихийности и сознательности рабочего движения в «Что делать?», ярко показывает, что «стихийный элемент» представляет из себя зачаточную форму сознательности: «И примитивные бунты выражали уже собой некоторое пробуждение сознательности: рабочие теряли исконную веру в незыблемость давящих их порядков, начинали... не скажу понимать, а чувствовать необходимость коллективного отпора, и решительно порывали с рабской покорностью перед начальством. Но это было все же гораздо более проявлением отчаяния и мести, чем *борьбой*... бунты были восстанием просто угнетенных людей...»¹.

Стихийными бунтами и восстаниями крестьянских и плебейских масс насыщена до предела история Франции на протяжении многих десятилетий, предшествовавших появлению «Завещания» Жана Мелье. Эти бунты и восстания свидетельствовали не только о нищете и бедствиях народа, но и о том, что накопились, созрели протест и негодование масс против существующих порядков и их защитников, что массы теряли исконную веру в незыблемость этих давящих их порядков, начинали чувствовать необходимость коллективного отпора, порывали с рабской покорностью перед начальством. История народных восстаний во Франции XVII в. — это не только история социальных отношений, проявлений классового антагонизма, но и история глубоких сдвигов в психологии народной массы. А изменение психологии, настроения, чувств миллионов тружеников, в первую очередь многомиллионного крестьянства, было зачаточной стадией, пробуждением того сознания, которое в конечном счете отлилось в форму замечательного творения Жана Мелье, потрясающего по своей силе, беспощадности, бесстрашию в стремлении «дойти до корня».

Цель народных восстаний во Франции тянется через XVI в., проходя во второй половине XVI в. своеобразную перековку в горниле «религиозных войн», которые в конце концов совершенно соскоблили с них традиционную средневековую религиозную оболочку. Уже «кроканы» в 90-х годах XVI в. видят своего опаснейшего врага не в той или иной «ложной вере», а много трезвее и реалистичнее — в феодалах и в сборщиках королевских налогов, какой бы веры они не держались².

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 346—347.

² См. Э. И. Лесохина. Движение «кроканов» 1592—1598 гг. «Средние века», вып. VI, 1954.

Движения против налогов не прерываются и в первые два десятилетия XVII в. С 1623—1624 гг. начинается подъем мощной волны многообразных по конкретным проявлениям крестьянских и плебейских восстаний. За двадцатипятилетие разразилось несколько крупнейших крестьянских войн — «кроканов» 1624 г., «кроканов» 1636—1637 гг., «босоногих» 1639 г., «кроканов» 1643—1645 гг., — распространявшихся подчас на многие провинции, а также свыше сотни больших и малых плебейских восстаний в городах. Автор настоящей статьи опубликовал книгу о народных восстаниях этого двадцатипятилетия¹, а также несколько исследовательских очерков о народных восстаниях следующего двадцатипятилетия². Поэтому здесь достаточно напомнить, что после Фронды, разразившейся на гребне первой волны, и после кровавого разгрома французского крестьянства в период так называемой «Фронды принцев», с конца 50-х годов началась новая серия крупнейших крестьянских войн («война саботье» 1658 г., «война бедняг» 1662 г., «восстание Одижо» 1664 г., «восстание Рура» 1670 г., огромное восстание 1675 г., распространившееся на десяток провинций) и городских плебейских восстаний.

В конце 70-х и в 80-х годах не отмечено столь крупных народных восстаний, но народ бурлит повсеместно; вспышки народной борьбы жестоко подавляются окрепшим абсолютизмом, но он может только придушить ее, а не ликвидировать — она везде, она составляет уже не «чрезвычайное происшествие», а будни. Вот, к примеру, 1680 год. Переписка Кольбера полна забот о том, как успокоить народное недовольство, сведения о котором поступают чуть ли не ежедневно из всех провинций. То он пишет Людовику XIV: «Надо все время сознавать, что народ сильно обременен и что с самого начала монархии он никогда не нес и половины тех повинностей, которые несет сейчас»³; то инструктирует одного из провинциальных интендантов: «Урок, который вы дадите (участникам восстания.— Б. П.), должен показать всему народу, что король не желает терпеть никакого мятежного волнения и что для народа нет другого выбора, как покориться воле и приказаниям его величества... Держитесь, пожалуйста, того убеждения, что для народа нет большей снисходительности, как сурово наказывать начатки бунта, ибо снисходительность заставляет его впадать в еще большие проступки»⁴. А народ не желал «покоряться», «начатки бунта» в 1680 г. вспыхивают в разных провинциях: в Перигоре «беспорядки» настолько серьезны, что зачинщики преданы публичной казни, в Пуату — «волнения» по поводу тальи, в Бургундии — целое восстание против нового налога на вино, крестьяне, преследуя налоговых агентов, врываются в г. Макон при поддержке городского плебейства. «Бунты» разразились и в Шампани; здесь в одном местечке вооруженные жердями женщины напали сначала на судебного пристава, явившегося для объявления нового налога, затем на прибывшего судью, наконец, на самого «этого изрядного мошенника» интенданта⁵. Там, в Шампани, кстати, в крестьянской семье родился и вырос Жан Мелье. В 1680 г. ему было шестнадцать лет. Кто знает, не принимал ли он участия в этих или подобных им событиях? Во всяком случае он был их

¹ Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623—1648), М.-Л., 1948

² Народные восстания во Франции при Кольбере. «Средние века», вып. II, 1946; Цели и требования крестьян в бретонском восстании 1675 г. «Труды МИФЛИ», т. VI, 1940; Восстание в Бордо в 1675 г. «Доклады и сообщения исторического факультета МГУ», вып. II, 1945.

³ P. Clément. La police sous Louis XIV, 1866, p. 270.

⁴ Colbert. Lettres, t. II, p. 142—143.

⁵ E. Lavisse. Louis XIV (Histoire de France, t. VII, 1), p. 346.

свидетелем, очевидцем — еще в начале своего жизненного пути, до того, как стал в 1688 г. священником.

В 90-х годах XVII в. классовая борьба во Франции снова начинает разгораться. От восстания крестьян в Виварэ в 1689 г. идет восходящая кривая волнений в провинциях и локальных движений к знаменитому восстанию «камизаров» 1702—1704 гг. в Лангедоке — «Северенской войне». Специфика этой народной войны была в том, что она снова — в последний раз — была облечена в форму религиозной войны; крайняя активизация католицизма при Людовике XIV дала толчок к возрождению традиций народной «ереси» как идейной оболочки для борьбы против феодализма и абсолютизма¹. Но по существу «Северенские горы», по словам Маркса, олицетворяли революционную традицию французского крестьянства, идущую «со времени Людовика XIV» к революции 1789—1794 гг., традицию крестьянина, рвущегося из рамок своей социальной обстановки, из рамок парцеллы, традицию деревенского населения, стремящегося собственными силами, наряду с городами, ниспровергнуть старый порядок, традицию «просвещения» и «рассудка» французского крестьянина². Это народное движение имело отклики и в других провинциях, захватило и крестьян-католиков, а в 1705 г. мы уже наблюдаем «бунты» по совсем другим поводам в Керси, Перигоре, Беарне; в Перигоре крестьяне отказались платить талью и капитацию, церковную десятину и сеньериальные повинности. В некоторых городах, например в Герэ, в Лиможе, происходят крупные восстания, по поводу которых министр Шамийяр приказывает показать на виновных такой суровый пример правосудия, «чтобы этот народ понял, что впредь он уже не будет восставать безнаказанно». Но народ продолжает восставать. В 1707 г. в провинции Керси разразилась новая крестьянская война — «Tard-Avisés» (примерный перевод — «задним умом крепкие»).

Необычайные морозы, голод и неурожай 1709 г. дали толчок к целой серии крестьянских и плебейских волнений, одновременно прокатившихся чуть ли не по всей Франции. Характерно, что во многих местах распространился слух, будто бывший вождь камизаров Жан Кавалье снова стал во главе народного движения. В следующем, 1710 г. в ответ на новый 10-процентный налог со всех доходов вспыхнули восстания и беспорядки в деревнях и в городах в Беарне, в Лимузене, в Нормандии. В 1713, 1714, 1715 гг. вспыхивают восстания в Нормандии, в Лионе, в Тулузе; о размахе борьбы можно судить по тому, что на подавление восстания в Лионе в 1714 г. было послано семь полков драгун, два полка кавалерии и четыре батальона пехоты.

Первые годы регентства дают как будто картину некоторого успокоения, но уже с 1720—1721 гг. общественная атмосфера снова накаляется: тут и там многотысячные народные толпы высыпают на улицу при первых известиях об обиде, причиненной какому-нибудь простолюдину³. Активизируются мануфактурные рабочие: в 1724—1725 гг. в Париже разыгрываются стачки рабочих разных профессий; вскоре в Марселе происходит большая стачка рабочих-шляпочников; в 1724 г. вспыхивает «бунт» рабочих чулочной-вязальной и писчебумажной промышленности в Дофинэ;

¹ См. А. И. Коробочко. Восстание камизаров, «Средние века», вып. III, 1951; его же. По поводу фальсификации истории восстания камизаров. «Средние века», вып. V, 1954. См. также А. С. Варшавский. Преследование протестантов и народное восстание 1702—1704 гг. во Франции, 1952 (автореферат диссертации).

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. VIII, стр. 406—407.

³ D. Mornet. Les origines intellectuelles de la révolution française, 1933, p. 445—446

в 1727 г. восстают суконщики в Амьене; в 1712, 1720, 1729 гг. выступают суконщики в Седане. Кое-где вспыхивают снова и снова крестьянские и плебейские голодные «бунты»: в 1724 г. в Барфлере; в 1725 г. провинция Гиень охвачена «ужасным народным настроением», приводящим к «бунту», против которого правительство бессильно. Те же «настроения» и «бунты» отмечены в 1725 г. в Нормандии и Бретани — в Руане, Ренне, Гавре, Понт-Л'Эвеке, Фалезе, Во, Конде-сюр-Нуаро, Валансе, в Камбрэ, Страсбурге¹.

Такова была общественная атмосфера во Франции в те годы, когда Жан Мелье вынашивал идеи «Завещания» и, торопясь, словно подстрегаемый не только надвигающейся старостью и слепотой, но и властным голосом народа, завершил свой титанический труд. Используя опять же ленинскую характеристику Толстого, можно сказать, что Мелье в своем учении отразил «великое народное море, взволновавшееся до самых глубин...»², «... сумел с замечательной силой передать настроение широких масс, угнетенных современным порядком, обрисовать их положение, выразить их стихийное чувство протеста и негодования»³.

Дело не в том, знал ли Жан Мелье о всех перечисленных нами народных восстаниях. Вероятно, что в общем он слышал и знал даже о гораздо большем их числе и более конкретно, чем знаем мы сейчас. С одной стороны, о них широко говорили в народе, «разглашая их как геройские поступки», по словам одного интенданта, с другой — о них была осведомлена реймская (как и всякая иная) епархия, систематически инспектировавшая и инструктировавшая низший клир. Соседние кюре, несомненно, обменивались политическими новостями и слухами о мятежах. Но, может быть, об иных сведения и не достигали глухого прихода в Шампани, где служил Мелье. Допустим, что он совсем о них не слышал. Важно другое — эти разнообразные восстания были проявлениями того настроения, которым было преисполнено все французское крестьянство. Кроме разразившихся восстаний, сколько было «неродившихся», оставшихся лишь в помыслах, в сокровенных беседах или тайных сомнениях едва ли не любого бедняка в любой из бесчисленных деревушек Франции, — а кому, как не священнику, снискавшему доверие прихожан, было знать все их мысли и чувства. Шампань являлась одной из самых разоренных и опустошенных фиском и дворянством провинций Франции при Людовике XIV. Административная переписка свидетельствует о предельной нищете населения Шампани, о массовом бегстве крестьян из деревень⁴. Таким образом, не только общезакономерный мир, но и микромир прихода Этрепиньи снабжал Жана Мелье исходным материалом для его философии — тем стихийным «настроением», «чувством», которое характеризуется, как мы видели, преимущественно отрицательной, негативной психологией: протестом, негодованием, враждой, ненавистью в отношении непосредственных источников народных бедствий и в отношении тех сил, которые эти порядки защищают.

Но эта негативная психология и практика стихийных бунтов заключает в себе, как возможность, как потенцию, те позитивные идеи, в которых она может быть обобщена и выражена. Так, борьба крестьян против феодальной земельной собственности, выраженная в позитивной форме, может выступать как требование «общности» имуществ, т. е. уничтожения

¹ Mornet Указ соч, стр 444—445

² В И Ленин Соч, т 16, стр 323.

³ Там же, стр 293—294

⁴ G Deppeing Correspondance administrative sous le règne de Louis XIV, t. III, pp. 152—155, 168—173.

частной поземельной собственности, или как требование «уравнения» прав и имуществ. В. И. Ленин пишет о Толстом: «Его непреклонное отрицание частной поземельной собственности передает психологию крестьянской массы в такой исторический момент, когда старое средневековое землевладение... стало окончательно нестерпимой помехой дальнейшему развитию страны и когда это старое землевладение неизбежно подлежало самому крутому, беспощадному разрушению»¹. Точно так же толстовские идеи «примитивной крестьянской демократии», «общезития свободных и равноправных мелких крестьян» являлись оборотной стороной ненависти крестьянства к самодержавию, чиновничеству, казенной церкви².

Практика, живой опыт бесконечных народных восстаний во Франции XVII — начала XVIII в., стихийные проявления «отрицания» окружающих порядков и установлений сотнями тысяч, миллионами угнетенных «бунтующих» людей объективно содержали в себе по крайней мере три большие потенциальные идеи, которые надо было только обобщить, чтобы придать им характер положительного мировоззрения.

Во-первых, сам факт борьбы против разных форм эксплуатации — сеньериальной, налоговой и других, против разных конкретных проявлений имущественного неравенства, протививших новые и новые бедствия неимущим, содержал в себе возможность идеи равенства имуществ или общности имущества, т. е. идеи передела собственности или уничтожения вообще частной собственности, особенно на землю. Ведь все народные волнения, бунты, восстания, при всей безмерной пестроте их поводов и обстоятельств, разыгрывались вокруг вопросов собственности, по поводу собственности: какой-нибудь новый налог — покушение на личную собственность трудящихся; они отказываются отдавать свое имущество, прогоняют сборщика, избивают стрелков, полицию, пытающуюся взять их имущество насильно, идут толпой громить контору и дом откупщика налога, отнимают у него собранные суммы, раздают их, уничтожают его имущество, как незаконно нажитое за счет народа, отказываются платить всякие налоги, распространяют погромы на другие налоговые конторы, на дома всех «габелеров» — действительных или потенциальных участников откупов налогов, наконец, на дома всех богатых вообще — такова типичная картина антиналогового восстания. Или крестьяне отказываются уплачивать какой-либо феодальный побор, отбывать какую-либо повинность земельным сеньерам, — шаг за шагом от обороны своей собственности они переходят к нападению на собственность сеньеров, громят и жгут их поместья и замки, вырубают их сады, истребляют документы, подтверждающие права сеньеров на земли и повинности, доходят до отрицания всяких сеньериальных прав и монополий, как это, например, выражено в бретонском «Крестьянском кодексе» («Уложении») 1675 г. и в различных «статьях» и документах других крестьянских восстаний.

Эти накаленные до предела бои вокруг имущественных отношений, рукопашные битвы неимущих с имущими, при всей их близорукости стихийности, неминуемо хоть в самой зачаточной мере пробуждали и мысли о собственности вообще. Первым мотивом народных восстаний многие источники называют «нищету», «отчаяние» людей, которые «устали страдать» и которым «нечего терять». Но трудно представить хоть одного участника погрома дома габелера или замка сеньера, который бы сам считал себя грабителем, который не искал бы оправдания своих действий перед самим собой и своими ближними в представлениях, пусть смутных,

¹ В. И. Ленин Соч, т. 16, стр. 294.

² См. В. И. Ленин, т. 15, стр. 183.

о несправедливости, незаконности происхождения этих богатств, которые сами награблены у него, и т. д. Даже в самых враждебных народу источниках неоднократно отмечены факты, что беднота, грома и сжигая имущества богачей, сплошь и рядом (например, в восстании «босоногих» 1639 г. и многих других) «не извлекала из этого никакой выгоды», т. е. ничего не присваивала, сделав это для себя даже «вопросом чести»¹. Ясно, что такое поведение — результат более или менее сложных размышлений о собственности, а не бессознательного импульса.

Но вместе с ожесточением стихийной борьбы и мысль подчас шла дальше. Во время восстания в Ниоре в 1624 г. мы видим во главе толпы какого-то монаха, по имени Каликст, который «проповедовал на городском рынке восстание и поучал, что грабеж припасов есть законный акт»². Это уже показатель далеко зашедшего упадка веры в незыблемость и неприкосновенность частной собственности. Исконные, средневековые формы собственности стояли на пути общественного развития, настоятельно требовали решительной ломки. Практическое «отрицание» этой собственности расшатывало и идейные тормозы. Иногда пробуждающаяся мысль пытается апеллировать к «старине», «старой правде»: законы только те платежи земельным собственникам или только те подати, которые не моложе, например, времен Генриха IV. Иногда эта «старая правда» относится к мифической древности, и крестьяне требуют «вернуть им собственность на их землю», которую они якобы когда-то имели³. А иногда дело идет о радикальном переустройстве отношений собственности в будущем: уничтожив дворян, «они будут все равны»⁴; крестьяне «вооружаются косами и лемехами от плугов, чтобы разрушить дома дворян и сделать всех равными, подобно смерти в „пляске мертвых“»⁵. В Бретани в 1675 г., по словам одного дворянина, крестьяне «хотят всех убить, все разграбить»; «нужно искоренить их всех», говорил о сеньерах и габелерах один из вождей восставших крестьян, Ле Муань; священник прихода Плестен оставил краткую летописную запись о ходе этого восстания «почти по всей Бретани и во многих других местах»: «Крестьяне решили, что им все дозволено, ввели общность имущества... (*Rustici rebantur omnia licita, communia bona...*)»⁶. Мы не знаем, означает ли эта «общность имущества» практику или идею восставших крестьян, каковы конкретные черты этой «общности имущества», но мы можем с уверенностью сказать, что перед нами свидетельство глубочайшей ломки самых коренных понятий о собственности, происходившей в психологии и сознании народных масс Франции на почве борьбы с феодальной собственностью.

«Записи мыслей и мнений Жана Мелье, священника, кюре из Этрепийны и Балев, о некоторых ошибках и злоупотреблениях в поведении людей и управлении ими» (как начинается подлинное заглавие «Завещания») и были в сущности записями мыслей и мнений народных масс Франции, идейным итогом опыта народных восстаний XVII — начала XVIII в. Вернее, это было скачком от смутных чувств и разрозненных

¹ См «Народные восстания во Франции перед Фрондой». М., 1947, стр. 412.

² P. Boissonnade L'administration royale et les soulèvements populaires en Angoumois etc. «Bulletin et Mémoires de la Société des Antiquaires de l'Ouest», t. XXVI, 1902, p. XXXVI—XXXVII.

³ См. «Цели и требования крестьян в бретонском восстании», стр. 48.

⁴ Там же, стр. 53.

⁵ Carpefigue. Richelieu, Mazarin, La Fronde et le règne de Louis XIII, t. VI, 1836, p. 9.

⁶ Pocquet. Histoire de Bretagne, t. V, 1913, p. 501, Lemoine. La révolte dite du papier timbré, 1898, p. 291-292; La Borderie. La révolte du papier timbré, 1884, p. 273—274.

мыслей к народной революционно-демократической идеологии, к тому максимуму сознательности, который был доступен тогда, задолго до возможностей возникновения научного коммунизма. Значение такого скачка огромно. Само право на идеи было почти неограниченной монополией господствовавших классов в феодально-абсолютистской Франции. Мелье прорвал эту монополию. Он развертывает цельное, страстное, непримиримое учение, обращенное к массам: доведя до конца расправу с господами, дворянами, богачами, трудящийся народ должен уничтожить всякую частную собственность и построить счастливый и справедливый порядок, основанный на равенстве всех людей и общности имущества внутри каждой общины.

Таким образом, социальная основа утопического общинного коммунизма Жана Мелье в конечном счете такова же, как и утопического социализма русских революционных демократов. Это — не идеология возникающего пролетариата, а отражение одной из тенденций, одной из сторон крестьянской антифеодальной революционной борьбы в момент наибольшего подъема, высшая форма того смутного уравнительного крестьянского «коммунизма», который прослеживается в социальных движениях на протяжении чуть ли не всей феодальной эпохи, но никогда не может стать научным коммунизмом.

Вторая идея, возможность возникновения которой была заключена в самом факте неудержимого половодья народных восстаний, при всех их стихийности, негативности, — это идея победы народного восстания, идея революции, т. е. свержения существующей власти и установления власти народа.

Малейшая попытка отстаивать свои экономические интересы, противиться гнету существующих форм собственности в том или ином их конкретном проявлении ставила крестьян и плебеев лицом к лицу с властями, охранявшими «порядок». Нельзя было шевельнуться, не вступив в столкновение с полицией, жандармерией, судом, с администрацией муниципальной, провинциальной, королевской, с армией, буржуазной гвардией, вооруженным дворянством. Каждый «бунт», каждое восстание и были не чем иным, как столкновением народа, пытавшегося оказать какой-нибудь коллективный отпор новому притеснению, с властями. Чем дальше заходил конфликт, тем шире привлекался аппарат власти для подавления «мятежников»; не хватало местных сил — присылались королевские войска, подчас снимаемые с фронта; падал авторитет местных властей — пускался в ход авторитет абсолютного монарха, Людовика XIII, Людовика XIV или Людовика XV.

По мере накопления опыта восстаний в народной массе все более исчезала былая рабская покорность перед начальством. Источники — донесения в центр от провинциальных интендантов, губернаторов, парламента и т. д. — с однообразием повторяют о недостатке в народе уважения к магистратам, о растущей непокорности, «непочтительности», «наглости» «черни». Интендант из Гиени доносит в 1637 г. о поездке губернатора, герцога д'Эпернон, по провинции: «Недостаток уважения, выказанный этими бунтующими народными массами в отношении господина герцога во время этих последних встреч, и их ненависть, которой он был окружен, сделали его более осторожным, чтобы не повредить еще более своему авторитету»¹. Интендант из Лангедока пишет в 1643 г., что новый нажим

¹ Отдел рукописей Гос. публ. библиотеки им. Салтыкова-Щедрина, автограф 114/II, № 82.

«еще увеличивает упрямство и заставляет еще сильнее разразиться неповиновение народа»¹. Из Дофинэ интендант сообщает в 1644 г.: «Когда приставы приходят в деревенские общины, на них уже поднимают камни..., заставить слушаться затруднительно»². Из Прованса военный наместник пишет кардиналу Ришелье: «Этот большой народ не знает ни что такое любить своего государя, ни что такое его слушаться». Из Бордо губернатор пишет в 1633 г. о падении авторитета властей, о «частых наглых выходках и вольностях, которые позволяют себе некоторые бунтовщики, то распространяя мятежные писания, то произнося дерзкие речи даже в присутствии своих магистратов»³. О поражении, понесенном кроканами в 1637 г., губернатор пишет: «Неудачи, которые потерпел народ, поистине вырвали у него оружие из рук, но отнюдь не бешенство и не злую волю из сердца, так же и не дерзкие и мятежные речи из уст»⁴. В том же году губернатор другой провинции, Лимузен, сообщает: «...народ в деревнях что-то уж слишком склонен к свободе и к восстанию»⁵. Об участниках восстания в Мулене в 1640 г. королевский чиновник доносит: «Они совсем не опасаются наказания и... провозглашают свое преступление знаком своей храбрости»⁶. Из Лангедака интендант сообщает в 1646 г., что власть короля «была чрезвычайно поколеблена в умах народа... и следует опасаться, что ее не удастся восстановить иначе, как с превеликим трудом»⁷. Другой интендант подтверждает: «Мы живем в такое время, когда не следовало бы безрассудно плохо обращаться с народом... Бесплезная суровость только вырывает из его души последние остатки его преданности государю»⁸. В 1675 г. интендант доносит Кольберу из Гиени: «Должен сказать вам, что в Перигоре народ начинает грозить всем, кто служит по королевским делам»⁹.

Сведения о бесцеремонных расправах восставшего народа с лицами, облеченными властью, от самых низших до самых высших, об угрозах властям, нередко производивших должный эффект, буквально бесчисленны. Нам все это важно здесь лишь для характеристики процессов, происходивших в психологии масс. В источниках неоднократно отмечается брань и по адресу королевской персоны, хотя традиционными лозунгами являются все же «Да здравствует король без налогов!» и т. п.; впрочем, они остаются характерными и в годы буржуазной революции конца XVIII в. Во всяком случае мы располагаем обильными данными о том, как в ходе одного восстания портрет короля был растоптан в грязи, а в ходе другого — во главе толпы шествовал под барабанный бой и песенку «Как бы не так» пародийный «король», символизировавший насмешливое отношение к действительному французскому королю, и т. д. «Мятежи имели место под тем оправданием, которое им старался придать народ, будто у него плохое правительство», — доносил в Париж королевский комиссар в 1639 г.¹⁰

Венецианский посол Нани доносил из Франции в середине XVII в. о «ропоте и ненависти к правительству», о повсеместных восстаниях,

¹ Отдел рукописей Гос. публ. библиотеки им. Салтыкова-Щедрина, авт. 80, № 50.

² Там же, авт. 114/IV, № 23.

³ Там же, авт. 107/I, № 98.

⁴ Там же, авт. 107/II, № 39.

⁵ Там же, авт. 114/II, № 94.

⁶ Там же, авт. 114/III, № 4.

⁷ Там же, авт. 80, № 2.

⁸ Там же, авт. 107/II, № 50.

⁹ P. Clément. Histoire de la vie et de l'administration de Colbert, p. 366

¹⁰ A. Floquet. Histoire du Parlement de Normandie, t. IV, p. 634.

которые, однако, остаются раздробленными, так как народ «не может подняться без руководства и ему хватает сил лишь на то, чтобы излить негодование в ругательствах и проклятиях по адресу правительства»¹. И абсолютистскому правительству приходилось то бросать силы против «мятежников», то, по циничному выражению Ришелье, «нянчиться с народом из страха, как бы не раздражить его свирепый нрав»².

В своих непрерывных схватках с властями народ действительно знал иногда и кратковременные частичные удачи, и это, как и вся логика борьбы, развивало у него волю к победе, надежду победить. Без такой надежды не было бы ни одного восстания. Что сулит победа? Нередко в народных восстаниях звучит слово «свобода», хотя его конкретное содержание неясно. Такие документы, как бретонский «Крестьянский кодекс», показывают, что в недрах крестьянства складывались определенные программные требования, но, пожалуй, характернее сама мысль о возможности победы народа над всеми его притеснителями. Она явно пробивает себе дорогу в Нормандии в 1639 г., когда здесь на несколько месяцев установилась своеобразная революционная антиправительственная власть и именем Жана Босоногого издавались законы и военные приказы.

В Бретани, где еще в XVI в. восставшие крестьяне «не давали пощады никому, кто имел более высокое положение, чем они,— и осуществив это,— говорили они,— они будут все равны, так, что никто не будет иметь никакой власти ни суда над другим»³, в 1675 г. в разгар восстания раздавались столь же смелые лозунги всевластия победившего народа; «крестьяне решили, что им все дозволено»; по словам одного судебного документа, крестьяне «говорили, что наступило время их абсолютного полновластия (empire absolu), издевались над нашим повелителем королем и над его эдиктами, так же как над правосудием и над всеми, кто творит закон, и [говорили], что они заставят признать себя и слушаться»⁴.

В Виварэ в 1670 г. восставшие крестьяне в одном из выпущенных воззваний писали, «что пришло их время и что не годится им всегда оставаться слепыми»; «пришло время,— говорилось далее,— исполниться пророчеству, что глиняные горшки разобьют железные горшки. Проклятие дворянам и священникам, которые являются нашими врагами!»⁵.

В таких выступлениях сквозит мысль о народовластии, народопрванстве, общезжитии свободных и равных крестьян, примитивной крестьянской демократии; не менее важны и мысли о самом восстании как деле хорошем, благородном с точки зрения угнетенного народа. В официальных документах не раз встречаются жалобы, что народ рассматривает восстания, как героические деяния, и отнюдь не хочет видеть в них преступления. Власти даже уверяют, что сплошь и рядом восстания вызываются не тем или иным конкретным поводом, а «расположением народа к восстанию». В одном донесении о восстаниях в городах Байе, Руане и Кане говорилось: «По правде сказать, они восстали не по причине габели, ибо она тут всегда существовала, но по той причине, что в подражание Нижней Нормандии простонародье этих городов хотело показать себя по крайней мере столь же мятежным, полагая, что не быть таковым было бы позорно»⁶. Это сформулировано поверхностно, но мы действи-

¹ Le relazioni degli stati europei, Serie II — Francia, v. II, 1860, p. 443

² Richelieu Lettres, t. VI, p. 883—884

³ Moreau Histoire de ce qui s'est passé en Bretagne etc., 1857, p. 101.

⁴ Lemonne. Указ. соч., стр. 306

⁵ Laboissière. Les commentaires du soldat du Vivarais etc, 1811, p. 135

⁶ Diare ou journal du voyage du chancelier Séguier en Normandie, 1842, p. 413.

тельно наблюдаем по источникам, как с обострением народной борьбы подчас непосредственный повод восстания как бы отходит на второй план и проявляется уже некая более обобщенная установка на восстание под действием более общих причин, что является необходимейшей предпосылкой для одновременности, всеобщности выступления народных масс в разных местах, в разных провинциях. Кольбер в 1672 г. дает интенданту инструкцию особенно сурово наказать восстание в Ажане: «Так как взятый народом повод [для восстания] не имеет под собой никакого основания, это является бесспорным знаком дурного расположения умов, против которого надо принять быстрые меры»¹. Однако эта психологическая тенденция развилась по-настоящему только в конце XVIII в., накануне революции. Так, 3 октября 1788 г. интендант Маллевиля доносил Неккеру: «Народные волнения — не результат [преходящей] нужды; народ, угнетенный, обремененный и раздавленный тяготами феодализма, повсюду страшно возбужден против дворянства и крупных собственников. И те эксцессы, которые им совершены и совершаются, показывают, до какой степени дошло его недовольство под влиянием и бремени феодального режима, и бремени налогового обложения». 29 апреля 1789 г. интендант Ла Бов доносил Неккеру: «Все эти волнения происходят в гораздо большей степени вследствие расположения простого народа восстать, чем от дороговизны и недостатка хлеба». Такое настроение народа было важной предпосылкой для возможности общепроцессуальной революции. Но в XVII — начале XVIII в. оно еще едва накапливалось, едва проявлялось в отдельных народных движениях и могло послужить предпосылкой для возникновения еще не самой революции, а лишь идеи общепроцессуальной, общенародной революции.

Скачок от этого настроения к этой идее осуществлен в «Записях мыслей и мнений Жана Мелье». Мелье прямо ссылается на опыт народных восстаний: он напоминает читателям, каковы бывали последствия, «если какой-нибудь из его [короля] городов или какая-нибудь из его провинций дерзали противиться ему или стряхнуть с себя его иго. Но не то было бы,— продолжает Мелье,— если бы весь народ, все города и все провинции пришли к единодушию, если бы они все сговорились между собой, чтобы всем освободиться от общего рабства, в котором находятся. Тогда тираны были бы быстро сметены и уничтожены»². Идея сплочения народных масс в целях совершения революции, свержения всех существующих властей и установления власти самого народа, социального равенства и свободы, является ярчайшей, ведущей идеей «Завещания» Мелье. Он не устает призывать народ к объединению и к беспощадной революции против феодализма и абсолютизма. Идея благотворности, необходимости народной революции резко отличает Мелье буквально от всех, даже самых прогрессивных представителей предреволюционной французской общественной мысли XVIII в.³ Это отмечает, между прочим, В. П. Волгин, говоря, что среди публицистов XVIII в., вплоть до кануна революции, Мелье резко выделяется и своей гораздо дальше идущей, более радикальной критикой феодально-абсолютистских порядков, и тем что ему совершенно чужд характерный для большинства политических мыслителей XVIII в. страх перед народными массами и их революционными действиями. «Во всей французской публицистике XVIII века нет более последовательного демократа, более последовательного защитника

¹ Colbert. Lettres, t. II, p. 259.

² Jean Meslier. Le Testament. Amsterdam, 1864, vol. 3, p. 381—382.

³ Мы оставляем в стороне дискуссионный вопрос об отношении Мабля к революции

интересов крестьянской массы»¹. По удачному выражению А. М. Деборина, «Мелье, этот сельский священник, явился поистине провидцем приближавшейся революции. Он оказался более проникательным, чем все ученые, политики, писатели и философы того времени»². Идея необходимости широчайшей и радикальной народной революции скорее однородна у Мелье с подобной идеей у Радищева и русских революционных демократов.

Истоки этой идеи — в элементах и крупницах народной мысли, проявлявшихся в крестьянско-плебейских восстаниях XVII — начала XVIII в. Мелье дал, поскольку это вообще было тогда возможно, народную революционную идеологию, простое и цельное резюме тех смутных чаяний и помыслов, которые пробуждались в сознании миллионов крестьян и плебеев, тех разрозненных крупниц политического и социального опыта, который они десятилетиями накапливали в своей борьбе.

Третья идея, потенциально содержащаяся в этой долгой эпопее народной борьбы, в самой практике стихийных восстаний, — атеизм и материализм как обобщение и положительное выражение повседневного психологического факта: нарушения глубочайшего церковно-религиозного запрета — запрета восставать. Восстание, мятеж, учила церковь, есть проявление сатанинского начала в человеке, ибо природа сатаны — восстание против бога. Религия грозила загробными муками за участие в восстании. Но сама жизнь, объективные экономические условия требовали от трудящихся сопротивления, борьбы, восстаний. Некогда они находили выход в том, что восставали под предлогом защиты истинной религии. Теперь это ушло в прошлое. Только в Лангедоке в 1643—1645, 1689 и 1702—1704 гг. еще вспыхивали последние зарницы народного революционного гугенотства. Во всей остальной истории беспорядков, волнений, восстаний крестьяне и плебеи оказывались прямо, без всякого идеологического забрала, перед грозным лицом церкви. Раз начав борьбу, они ежедневно и ежечасно нарушали ее суровую заповедь и должны были как-то осмысливать это.

Церковь не менее активно противостояла народным восстаниям, чем государство. В истории одного восстания «босоногих» может быть отмечено не менее десятка различных эпизодов, когда духовенство и монахи укрывают преследуемых «габелеров», пытаются остановить уличные беспорядки и т. п. Так было повсюду. Вот несколько сценок из истории восстания в Ажане: «чтобы усмирить этот народ», повествует хронист, был устроен крестный ход, «дабы просить господина смиритъ ярость этого народа», были вынесены раки с мощами четырех святых; архидиакон вышел через баррикаду к народу со «святыми дарами» в руках и «обратился с увещанием со слезами на глазах и просил народ умиротвориться, что несколько охладило сердца этих бунтовщиков»; проповедь повторялась и в других пунктах, — народ кое-где преклонял колени перед мощами и проповедником, но все же затем поднимался и продолжал борьбу; одновременно «во время этого беспорядка достопочтенные отцы капуцины ходили на все баррикады города произносить увещания народу, неся каждый распятие в руке», — «это сильно размягчило сердца народа»; какой-то монах-отшельник, нарушив обет молчания и покинув келью, день и ночь проповедовал у баррикад³. А в Дижоне прелаты и монахи даже вооружились чем попало и надели поверх ряс старомодные доспехи⁴.

¹ В. П. Волгин. Указ. статья стр. 22—23

² А. М. Деборин. Жан Мелье «Вопросы философии», 1954, № 1, стр. 123.

³ A. M a g e n. Une émeute à Agen en 1635. «Recueil des travaux de la Société d'agriculture, sciences et arts d' Agen», t. VII, 1854—1855.

⁴ Relation sur le Lanturelu, «Revue retrospective», 1834, t. III

Чем отвечала неудержимая народная революционная стихия, когда на ее пути снова и снова возникала эта новая помеха с крестом в руке? Часть народа поддавалась уговорам. Часть «становилась на колени, а затем продолжала свое дело». Это было уже проявлением известных умственных процессов, но еще негативных: упадка уважения, доверия к духовенству. Во время восстания в Байонне в 1641 г., когда толпа схватила и связала одного подозрительного человека, на место происшествия явился сам байоннский епископ «для прекращения беспорядка» и приказал разрезать веревки на пленнике, но какой-то портной, бросившийся с ножницами исполнять приказание, был тут же убит «без всякого почтения к сану монсеньера епископа»¹. Когда епископы Лангедока стали оказывать содействие сбору налога, восставшие жители Каркассона вывесили изображение своего епископа в полном облачении рядом с палачом, который отрубает ему голову². Это уже символ возможной активной расправы. А вот и действительная расправа: в бурге Монферран жители набросились на своего кюре, который проповедовал им уплату налога, и «оставили его мертвым»³.

Это — не единственный факт. Логика восстания заставляла расправляться с теми, кто ему противодействовал. Хронист повествует о восстании в Виварэ в 1670 г.: «Было опасно призывать народ к повиновению; священники в Лашанне, Мезильяне и других местах были погромлены за то, что говорили, что подчинение приказам короля есть божественный закон»⁴.

Точно так же и во время бретонского восстания 1675 г. отмечены многочисленные факты расправ со священниками; иным из них пришлось подолгу скрываться передоцетыми; губернатор то и дело доносил Кольберу о крестьянах: «Они продолжают все время оставаться в большом возбуждении и, в частности, против своих священников», «они не имеют больше почтения к своим священникам», «они учиняют жестокости в отношении... самой церкви, в которую, мне кажется, они больше не имеют такой веры, какую имели в прошлом»⁵.

Дело уже идет не только о духовенстве, но о церкви, о вере. В самых глубинах массовой психологии совершается медленный переход от простого отстранения помехи к мыслям о правильности, оправданности таких поступков. А внешними проявлениями этих еще трудных и неясных мыслей были всяческие «кошунства» и «богохульства», о которых так много разрозненных сведений рассеяно в документах по истории народных восстаний. Например, восставшие «выламывали двери церквей... опрокидывали в церквях дарохранительницы, похищали священные сосуды, покровы и украшения...»⁶. На этом фоне должны привлечь наше внимание и грозные постановления Сорбонны в XVII в. (например, 1655 г.) о духе «компаньонажей», союзов подмастерьев, игравших, несомненно, самую активную роль в народных восстаниях: их определяют как «нечестивые и богохульные», «подмастерья величайшим образом бесчестят бога, оскверняя все таинства нашей религии»⁷. А через сто лет, в 50-х годах XVIII в., маркиз д'Аржансон уже пишет в дневнике о полном «падении религии», о «доходящей теперь до крайности ненависти к

¹ «Archives historiques de la Gascogne», fasc. 24, 1893, pp. 3—30.

² Отдел рукописей ГПБ, авт. 80, № 12.

³ Richelieu. Mémoires, p. 505—506.

⁴ Laboissière. Указ. соч.

⁵ Lemoine. Указ. соч., стр. 148, 150, 198.

⁶ Laboissière. Указ. соч.

⁷ E. Martin Saint-Leon. Le compagnonnage. 1901, p. 40.

священникам. Ни один служитель церкви не осмеливается показаться на улице, не рискуя быть освишанным»¹.

Так снизу, в каждой молекуле, каждом атоме «великого народного моря, взволновавшегося до самых глубин», из простых вначале проявлений злобы и ненависти, накопившихся против феодально-абсолютистского гнета, в бесконечном ряде актов отчаяния и мести, актов коллективного отпора и стихийного бунта пробивались и зрели ростки неверия, антирелигиозной мысли. Надо ясно представить себе, как трудно было каждому простому бедняку, осознавая и оправдывая свое участие в борьбе, дойти даже до насмешки, не говоря уже о ненависти в отношении духовенства, церкви, наконец, самих основ исконной веры. Непреоборимую мощь этого процесса мы оценим, если вспомним, что именно вторая половина XVII—начало XVIII в. — время гигантской активизации католической церкви во Франции, время так называемого «католического возрождения», целиком и полностью направленного на возрождение и укрепление веры в толще народа с помощью широкой сети специальных «народных» религиозных организаций, щедрой религиозной благотворительности, проповеди пleyады поистине замечательных церковных ораторов (в исторической литературе это время называют даже «век святых»). Все это смогло задержать, замедлить распространение безверия в народе, но не могло остановить объективно неизбежный процесс. Единичные мысли, сомнения, доводы, суммируясь крупица к крупице, накапливаясь от отцов к детям, от дедов к внукам, ждали своего обобщения, чтобы перейти в новое качество — в сознательный, материалистический атеизм.

Этот скачок совершен в «Завещании» Жана Мелье. Наибольшее место отведено в «Завещании» всестороннему страстному разоблачению и опровержению всякой религии, в особенности и в первую очередь христианства, и философскому обоснованию атеизма, т. е. разработке материалистической философии (в ее присущей XVII—XVIII вв. механистической форме). Мелье опровергает религию и критикой текстов священного писания, и историческими аргументами, и этическими доводами, и более всего развернутыми, систематическими, тщательно продуманными доказательствами истинности материализма и ложности идеализма. Эта сторона учения Мелье оказала поистине колоссальное воздействие на последующую историю передовой общественно-философской мысли во Франции XVIII в. Следует вполне согласиться с формулировкой А. М. Деборина: «Мелье явился отцом французского материализма и атеизма XVIII века»².

Мы постарались показать, что в стихийной антифеодальной борьбе, порождаемой объективными экономическими условиями и законами, в психологии, настроении масс преобладал негативный момент: отрицание данных частных случаев или форм проявления феодальной собственности, власти, религии. Но в то же время в огромном стихийном революционном опыте масс таилось и пробуждение сознания, а когда этот опыт был обобщен и превращен в систему идей в «Завещании» Жана Мелье, он приобрел характер осознанного утверждения идеала равенства и общинного (утопического) коммунизма, сознательной и смелой пропаганды народной революции и народовластия, научно-философского обоснования материализма и атеизма.

Однако этот переход от идей лишь возможных, потенциальных, зачаточных к мировоззрению Жана Мелье был все же скачком.

¹ Цит. по Ф. Рокэн. Движение общественной мысли во Франции в XVIII веке, 1902, стр. 123.

² А. М. Деборин. Указ. соч., стр. 126.

Было бы недостаточно охарактеризовать стихийность только теми чертами, которые отмечены выше: преобладанием негативного начала — протеста, отрицания; преобладанием чувств, настроений и лишь пробуждением сознания. В. И. Ленин, характеризуя стихийность в «Что делать?», указал еще одну черту, вытекающую из предыдущей: стихийность в рабочем движении означает не просто отсутствие идеологии, но влияние буржуазной идеологии на рабочих; стихийное развитие рабочего движения идет к подчинению его буржуазной идеологии¹. Для нас здесь особенно важно следующее разъяснение В. И. Ленина: «Но почему же — спросит читатель — стихийное движение, движение по линии наименьшего сопротивления идет именно к господству буржуазной идеологии? По той простой причине, что буржуазная идеология по происхождению своему гораздо старше, чем социалистическая, что она более всесторонне разработана; что она обладает неизмеримо большими средствами распространения... Рабочий класс стихийно влечется к социализму, но наиболее распространенная (и постоянно воскрешаемая в самых разнообразных формах) буржуазная идеология тем не менее стихийно всего более навязывается рабочему»².

Все это не имеет прямого отношения к XVII в. Было бы грубейшей ошибкой сравнивать роль мировоззрения Мелье с ролью научного социализма. Идеи Мелье были в основном донаучными, а отразившееся в них крестьянско-плебейское антифеодальное движение имело совсем другую общественную природу, чем стихийное рабочее движение, о котором у В. И. Ленина идет речь. Идеи Мелье так и не овладели крестьянско-плебейским движением XVIII в., потому что движение это в ту эпоху не могло сыграть самостоятельной исторической роли, а идеи Мелье соответственно были утопическими и в общественном плане совершенно наивными.

Но мысль В. И. Ленина применима и к XVIII в. в том общем смысле, что стихийность не означает отсутствия у людей всякой идеологии, а означает наличие ложной, вредной для движения идеологии. В XVIII в. это была феодальная, абсолютистская, католическая идеология. Крестьянско-плебейское движение стихийно влеклось к тому, чтобы сбросить ее и заменить иной, но она снова и снова навязывалась ему в самых разных формах. Она ведь тоже была старой по своему происхождению, всесторонне разработанной, обладала огромными средствами распространения. Следовательно, попытка Мелье создать народную идеологию, попытка, отражавшая назревшую для французского общества необходимость устранения старой идеологической надстройки, охранявшей отживающий феодальный базис и препятствовавшей его революционному низвержению, должна была явиться не только выражением народных настроений и помыслов, но и поединком с этой старой идеологией. Идеологии надо противопоставлять не настроения, а идеи, воевать с ней надо ее же оружием. В этом и состоял скачок: Мелье выступает как ученый, как идеолог, во всеоружии всего культурного наследия, каким он мог овладеть. Платон и Овидий помогают ему (как и Томасу Мюнцеру) обосновывать социалистический идеал, Плутарх и монархомахи — право народа на низвержение тиранов, Лукреций и Эпикур, Спиноза и Гассенди — материалистическую философию.

Иными словами, народную идеологию не мог создать сам народ, это было функцией интеллигенции. Народ нуждался в своей интеллигенции, которая отняла бы у господствующих классов монополию на умственную

¹ См В И Ленин Соч, т 5, стр 354

² Там же, стр. 357.

жизнь. Эту потребность подстегивало колеблющееся, предательское по отношению к народным восстаниям поведение французской буржуазии и, соответственно, буржуазной интеллигенции в XVII — начале XVIII в. Мелье рассказывает, что долго не мог понять, «почему люди, считающиеся умными и образованными, не возражают против этих возмутительных беспорядков, хотя им достаточно знакомо бедственное положение народа»¹. Лишь понемногу он догадался, что эти люди молчат потому, что сами принадлежат или стремятся присоединиться к числу властвующих и угнетающих. Тогда он понял, что от них нечего ждать, но что невозможно также и не открыть народу глаза «на те нелепые заблуждения, среди которых мы все, сколько нас есть, имели несчастье родиться и жить»². «Мнимо мудрые политики века не преминут найти, что с моей стороны нехорошо было вскрывать так много столь великих и важных истин, которые, по их словам, лучше держать всегда под спудом, чем так ярко выставлять напоказ... Мудрые политики считают необходимым, чтобы народ оставался в неведении относительно многих истин и верил многим ложным вещам»³.

Иначе говоря, Мелье понял, что народ должен иметь свою интеллигенцию, — людей, которые помогли бы ему отбросить навязанные заблуждения и осознать свои нужды. В самом деле, история народных восстаний показывает, как сами массы ошупью ищут людей, которые открыли бы им глаза, ибо стихийно они чувствуют, что та система идей, в которой они родились и живут, мешает их борьбе. Поиски массами вождей — одна из самых интересных и самых трагических сторон истории народных восстаний XVII — начала XVIII в. По большей части это была цель жестоких ошибок и разочарований. Бывали и героические, беззаветно преданные интересам народа предводители (например, Пьер Грелети в Перигоре), но тогда это были обычно люди столь же необразованные, как и остальная масса, способные лишь блестяще командовать партизанами. Жан Мелье тоже не стал народным вождем, — его мировоззрение сложилось к старости, в Шампани было затишье. Но он ощущает себя именно народным вождем, — даже не только во французском, а и в мировом масштабе: «Я хотел бы иметь силу сделать мой голос слышным от одного края королевства до другого или даже от одного конца земли до другого; я готов кричать изо всех сил», «все вы, которые не понимают, научитесь, наконец, познать свое собственное благо, научитесь познать, в чем ваше истинное благо, все вы, еще неразумные, научитесь же, наконец, стать умными!»⁴.

Понимает ли Мелье, что он сам обязан своими идеями народным массам? Иногда может показаться, что он только хочет поучать и просвещать народ. В этом готовы видеть даже доказательство его идеализма⁵. В действительности не только нет никакого идеализма в желании внести сознательность в стихийное движение, но и у самого Мелье мы находим понимание и другой стороны дела, — что высказанные им идеи уже почти осознаны массами, нужен лишь последний толчок. В предсмертном письме, адресованном кюре соседних приходов, Мелье пишет: «Было бы легко рассеять заблуждения народных масс... Большинство людей сами уже частично видят заблуждения и злоупотребления, в которых их держат, и в этом смысле им нужна лишь некоторая помощь и несколько

¹ J. Meslier Ibid, vol. I, стр. 6—7.

² Ibid., стр. 3.

³ Ж. Мелье. Завещание, 1937, стр. 706.

⁴ Там же, стр. 695, 702.

⁵ См., например, ст. «Мелье» в «Кратком философском словаре», 1954

больше просвещения, чтобы увидеть ясно всю суетность религии и чтобы совершенно освободить от нее свой ум; но еще больше они нуждаются в помощи и особенно в крепком союзе и тесном взаимопонимании между ними для своего освобождения от тиранической власти сильных мира сего»¹. Слова «большинство людей сами уже частично видят...» приоткрывают перед нами завесу над множеством откровенных бесед священника из Этрепины и Балев со своими прихожанами, может быть во время исповедей. Ведь слова «большинство людей» свидетельствуют о большом опыте общения с людьми и обсуждения их сокровенных мыслей. Из этого опыта, несомненно, Мелье и узнал, что они «сами уже частично видят», что им «нужна лишь некоторая помощь». Поистине эти слова важнее всех ссылок на источники, встречающиеся в «Завещании». Ибо они прямо указывают на его главный источник — на живое общение с народом. Мелье отождествляет свое дело с делом народа: «Если вы хотите ответить на это письмо, адресуйте его народу, который возьмет на себя, если понадобится, защиту моего дела, или, вернее, защиту дела самого народа, ибо речь идет здесь вовсе не обо мне, ни о моем частном интересе... Пусть же народ защищает свое дело, если ему того хочется и как ему захочется...»².

В этих словах незримо и скромно выражена уверенность в гигантской силе, которая вырисовывается за спиной того, кто сумел дать народу нужные ему идеи. Вносимое им в стихийную борьбу масс сознание открывает перед ним гигантские общественные возможности, отдавая (если можно так выразиться) в его распоряжение могучие силы миллионов и миллионов „стихийно“³ поднимающегося на борьбу народа, если снова применить к условиям XVIII в. ленинскую характеристику рабочего движения⁴. Естественно, что еще в середине XVII в. находились охотники и из рядов буржуазии, отваживавшиеся бунтовать крестьян против земельных сеньеров, дабы оказаться в выгодном положении, по выражению одного официального документа, «тех, кто овладевает думами простонародья»⁴. Но лишь во второй половине XVIII в. буржуазная интеллигенция более серьезно принялась за эту задачу, тогда как Жану Мелье не суждено было иметь прямых преемников. Но он был подлинным зачинателем многих традиций «просвещения».

Чувствуя себя и свое мировоззрение плотью от плоти народа, Мелье одновременно выступает как просветитель народа. Не имея знаний, «весь бедный люд, к несчастью, оказывается одураченным... является игрушкой и несчастной жертвой сильных мира сего»⁵; «без знаний и влияния они не в силах разобраться в заблуждениях и побасенках, которыми их кормят, не в силах также и противостоять мощной волне, которая на них обрушится в случае противодействия с их стороны»⁶.

Так осознает Мелье задачу и положение народной интеллигенции и свою личную роль. «Я рад, что сказал это, — пишет он в том же предсмертном письме, — и я должен был это сказать, поскольку дело обстоит именно так и поскольку я не вижу никого, кто бы это сказал»⁷. Долг перед истиной и долг перед народом слились для него в одно.

Он хотел, чтобы его слово дошло до широчайших народных масс Франции. Он знал, что они ждут этого слова, как сухая земля ждет дож-

¹ Приложение к изданию «Завещания» Мелье 1954 г., т III, стр 397—398

² Указ. приложение, стр 402.

³ См. В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 363

⁴ Отдел рукописей ГПБ, авт 114/VI, № 5.

⁵ Ж. Мелье. Указ. соч., стр. 11.

⁶ Там же, стр 9.

⁷ Указ. приложение, стр. 401.

да. Хотя старая идеология и не пала еще полностью, источники свидетельствуют об огромном ослаблении идеологической узды, удерживавшей массы в повиновении существующему режиму: народ не слушается уговоров, он стал *déraisonnable*, доводы и резоны почти не действуют на него — таков тревожный общий голос представителей власти на местах. Один интендант, ссылаясь на свое отличное знание «крайней нищеты здешнего народа и необыкновенного волнения в умах, которое она вызывает», советует правительству всеми возможными средствами «расположить к послушанию умы, которые трудно убедить слушаться, когда желудки голодны, и которые крайняя бедность сделала невосприимчивыми к уговорам»¹. Иначе говоря, потеряли силу аргументы, которыми прежде можно было урезонить и успокоить народ: нищета, голод ускоряли крушение уже расшатанных идейных авторитетов. Духовенство и «благоразумные», «мудрые» люди призывали к покорности и клеймили сопротивление, а жизнь, материальные условия настоятельно и упорно требовали сопротивления. Нельзя недооценить важность этих единодушных свидетельств о наступившей в XVII в. неподатливости народа на уговоры как духовного, так и светского содержания. Ведь уговоры эти восходили к самым основам старого феодального мировоззрения, которые, следовательно, «отказывали». О казнях «бунтовщиков» в г. Кане мемуарист рассказывает с ужасом: «Они умерли без раскаяния в своих грехах, говоря отвратительнейшие слова о том, к чему должны были бы питать величайшее почтение»². Такова была та вспаханная почва, на которую, по замыслу Жана Мелье, должны были пасть семена его «Завещания».

Был ли Жан Мелье человеком, так сказать, единственным в своем роде? Нет, мы можем уверенно утверждать, что он был лишь самым крупным, единственным оставившим неизгладимый след из немалого числа людей подобного склада, которых объективная потребность эпохи порождала снова и снова, но которые не смогли или дозреть до такого глубокого мировоззрения, или высказать его. Большинство из них, как и Мелье, принадлежало к низшему духовенству. Бывали люди и других интеллигентных профессий — бедные нотариусы, адвокаты. Однако именно духовным лицам, по характеру полученного ими образования, было легче атаковать главное звено старой идеологии — религию, основное препятствие на пути роста народных восстаний, парализовавшее волю к борьбе и принуждавшее к покорности. О роли низшего духовенства в народных движениях всего средневековья писал Энгельс в «Крестьянской войне в Германии»: «...они стояли, несмотря на свою принадлежность к духовенству, достаточно близко к условиям жизни массы, чтобы сохранить бюргерские и плебейские симпатии. Участие в движениях того времени, бывшее для монахов исключением, у них являлось общим правилом. Из их рядов выходили теоретики и идеологи движения, и многие из них окончили свою жизнь на эшафоте в качестве представителей плебеев и крестьян»³.

Источники по истории народных восстаний во Франции XVII — начала XVIII в. сохранили нам некоторое число упоминаний об этих низших священниках, пытавшихся выступить тут и там «в качестве представителей плебеев и крестьян», но подвергавшихся немедленным репрессиям. В донесении интенданта в 1643 г. из Оверни кратко упоминается: «Некоторые священники призывали в проповедях не платить больше ни

¹ Отдел рукописей ГПБ, авт. 107/1, № 96.

² *Mémoires du président Bigot de Monville*, 1876, p. 164.

³ К Маркс и Ф Энгельс. Соч, т. VIII, стр. 121.

военной повинности, ни недоимок по талье; один из них находится сейчас в руках суда»¹. Легендарным Жаном Босоногим, возглавлявшим восстание «босоногих» в Нормандии в 1639 г. и придавшим этому движению своеобразную идеологию и организацию, был, наиболее вероятно, Жан Морель, священник (викарий) из предместья Авранша — своего рода исторический предшественник Жана Мелье. Мы упоминали о монахе Каликсте, проповедовавшем на площади в Ниюре общность имущества. Даже в Париже народное восстание в начале Фронды (август 1648 г.) началось по набату священника одной небольшой церкви. Кольбер вспоминал об этом по поводу аналогичного начала народного восстания в Руане в 1676 г.² Бордоской Фронде также предшествовали весьма радикальные проповеди какого-то священника. В 1666 г. интендант сообщает Кольберу из Оверни, что «жители весьма мятежны», один местный священник «последнее время произносит сотни сумасбродств... говорит весьма нагло о короле»; он арестован, заканчивает интендант, и находится в тюрьме³. В другом месте священник в своих проповедях говорил о «тирании», нападал на «плохое правительство», на налоги, восхвалял республику⁴.

Как видим, зачатки народной интеллигенции — и в том числе именно из рядов низшего духовенства — возникали с естественной необходимостью, и, очевидно, многие люди приближались к тем же выводам, что и Мелье, хотя не многие имели столько непреклонной решимости ума, логического бесстрашия, силы и искренности в поисках правды. Но само положение идеолога борющегося народа было безвыходно противоречиво — он мог говорить и быть услышанным только в условиях хотя бы мимолетного торжества народного восстания. В противном случае он или погибал, едва лишь успев сказать свое первое слово, или должен был только мыслить и молчать. Поэтому мы так мало знаем о народных идеологах XVII—XVIII вв. Мелье же предпринял необычайную попытку обмануть врагов и, воспользовавшись глубоко укоренившимся суеверным почтением к последней воле умершего, сказать свое слово к народу после смерти, — может быть, поэтому и ускорив насильственно ее час.

Мы не знаем, услышали ли это слово его прихожане, как он хотел. Но его слово услышали «философы», как называли тогда тех, кого мы сейчас называем «просветителями». Вернее, это мощное умственное течение XVIII в. еще только подготавливалось, когда в 1733 г. с одной из трех рукописей «Завещания», достигшей высших кругов французской государственной администрации, лица, причастные к «вольнодумству», сделали одну или несколько копий, положивших начало широкому размножению рукописных копий и распространению их среди передовой буржуазной интеллигенции. Если объективно буржуазии в ту эпоху надо было ковать союз с народом, если поэтому и субъективно лучшие ее идеологи чувствовали интерес к народу, его настроениям и мыслям, то «Завещание» Мелье представляло замечательное средство познать глубочайшую суть всех идейных и политических потенций, заложенных в народной массе, в народных движениях. В короткий срок, за первые десять лет, сочинение Мелье распространилось в сотнях списков. «Вспоминается мне, — писал позже Вольтер, — горбун, который когда-то продавал из-под полы Мелье. Он знал свою публику и продавал только любителям»⁵. Можно уве-

¹ A. Feuillet *La misère au temps de la Fronde*, 1886, p. 46.

² Colbert *Lettres*, t IV, p 119—121.

³ Derring Указ соч, т II, стр. 20

⁴ E. Bonnemere *Histoire des paysans*, t III, p 73

⁵ Voltaire *Oeuvres complètes*, éd P Garnier, vol 43, 1881, p 35

ренно утверждать, что к началу 40-х годов XVIII в. «философы», «либертины», «вольнодумцы» в Париже, Руане и других городах уже в большинстве своем читали «Завещание» Мелье.

Более того, это было такое произведение, которое как бы расширило и укрепило почву под ногами у всего этого еще не оформившегося умственного течения. Отныне уже не могло быть речи, будто все искания «философов» — игра ума, не более, чем порождение необузданной волюности мысли кружка образованной молодежи. Вольтер впоследствии писал Гельвецию, что, хотя сочинение Мелье «написано стилем извощицей лошади,— правда, здорово лягающей»,— «но какой это ответ на трюизмы фанатиков, имеющих наглость утверждать, будто философия есть лишь плод либертинства!»¹. Здесь Вольтер поднимается до осознания того, что «философия» — плод не только кружков и салонов, кабинетов и библиотек, но еще чего-то другого, каких-то других духовных сил общества. Каких? Вольтер не решался дать себе до конца отчет в этом. Читая «слишком бунтовщицкую» (*trop révoltant*) рукопись Мелье, писал он, «я дрожал от ужаса»². И все же «эта вещь,— признавался Вольтер,— всегда производила на меня сильное впечатление. Надо, чтобы она стала известной»³.

Вольтер нашел выход из этих противоречий в том, что к 15 марта 1742 г. закончил составление «Извлечения» из рукописи Мелье, которое долго и широко распространялось в рукописном виде, а в 1762 г. было издано. Это «Извлечение» было одновременно и средством распространения, пропаганды идей Мелье и средством вытеснить с рынка подлинное сочинение Мелье более доступным, более кратким и менее «бунтовщическим» текстом.

Вольтер выбросил из Мелье все, что относилось к первой и второй из разобранных нами выше главных революционно-демократических идей и оставил лишь опровержение христианства. К тому же он, с помощью самовольной приписки, превратил Мелье-атеиста в деиста⁴. Но и в таком виде Вольтер считал эту брошюру «более пакостной, чем все книги Жан-Жака Руссо»⁵. Вольтер страстно распространял «Извлечение». Мало того, чем более изучают теперь сочинения Вольтера, тем больше и больше находят на протяжении всего его творчества как прямых заимствований из Мелье, так и отголосков, следов влияния «Завещания», причем находят их среди самых смелых, самых передовых страниц сочинений «патриарха философов».

Но подлинная рукопись «Завещания» продолжала распространяться и, следовательно, воздействовать на левый фланг «просветителей». Окончательно она была вытеснена с рынка, видимо, только сочинением Гольбаха «Здравый смысл кюре Мелье» (1772). Здесь дано гораздо более разностороннее, чем у Вольтера, изложение взглядов Мелье, в том числе его материалистической философии, но и здесь первые две идеи почти полностью опущены. Важно также сказать, что влияние Мелье ясно прослеживается во всех основных сочинениях Гольбаха, во всей его философской борьбе за материализм и атеизм⁶.

¹ Voltaire. Oeuvres complètes, vol. 42, 463.

² Ibid., vol. 42, p. 43, 259.

³ Ibid., vol. 42, p. 504.

⁴ Cp. A. Morehouse. Voltaire and Jean Meslier London, 1936.

⁵ Voltaire. Oeuvres, vol. 42, p. 126.

⁶ Cp. J. Haar Jean Meslier und die Beziehungen von Voltaire und Holbach zu ihm. Hamburg, 1928.

Точно установлено также близкое знакомство с Мелье таких крупнейших просветителей-энциклопедистов как Даламбер, Мармонтель, Гельвеций, Дидро¹. Представляет большой интерес вопрос, знал ли «Завещание» Жана Мелье Жан-Жак Руссо? Вполне вероятно, что утопические коммунисты XVIII в. Морелли и Мабли, если не из первых, то из вторых рук были знакомы с идеями Жана Мелье и испытали его влияние. Во всяком случае воздействие идей Мелье на подавляющее большинство передовых французских мыслителей XVIII в. несомненно, но при этом лишь часть его идей получила дальнейшее развитие (особенно философский материализм, критика христианства), в значительной же своей части они были притушены и приглушены, урезаны и смягчены. С новой силой идейное наследие Мелье, пропагандируемое Сильвеном Маршалем, Бонвиллем, Анахарсисом Клоотсом, возродилось во время революции и после нее в мировоззрении Бабефа и «равных». Одна из необабувиистских секций в 40-х годах XIX в. носила имя «Жан Мелье».

Все сказанное не должно быть принято в том смысле, что вопрос о народных корнях французского «просвещения» XVIII в. может быть сведен к одной фигуре Жана Мелье. Тысячи капилляров доносили отголоски народных настроений и мыслей до передовой буржуазной интеллигенции. История «Завещания» Мелье — лишь отдельный, хотя и самый яркий пример из этой обширной темы.

«Просветители» XVIII в. были идеологами передовой, восходящей буржуазии. Буржуазия той эпохи как раз и отличалась тем, что она, как класс прогрессивный и революционный, еще шла с народом, искала популярности в народе. Буржуазия той поры выдвигала лозунги и требования не узкокорыстные, а обеспечивавшие ей союз с широчайшими массами, дававшие ей в известной мере право говорить от имени всего общества. А это значит, что идеологи передовой буржуазии не только учили французский народ, не только «просвещали» Францию, не только воспитывали умы в век, чреватый революцией. Хотя бы косвенно, при всем своем пренебрежении к необразованной «черни», они сами учились многому у французского народа, они волей-неволей учитывали «рассудок» и «просвещение» крестьянина, как назвал Маркс опыт крестьянской антифеодальной борьбы XVIII в.

Но поскольку буржуазия по своему объективному историческому призванию лишь заменяла одну форму эксплуатации трудящихся другой формой, ее интересы и чаяния все же отнюдь не совпадали с интересами и чаяниями трудящихся масс. Поэтому ее идеологи, «просветители», никогда не могли отразить прямо и полностью те мысли, которые понимались со дна неиссякаемого народного источника. Мало того, черпая пригоршнями из этого источника, они в то же время мечтали о том, чтобы он иссяк: «Все пропало, если чернь примется философствовать», писал Вольтер.

Объективно подготавливая революцию, «просветители» субъективно были против революции. Их непосредственной целью было найти и осуществить такие реформы, которые предотвратили бы революцию. Они были в этом смысле своеобразными буржуазными утопистами. Революционно-демократический путь был им чужд, хотя, разрушая старую идеологическую надстройку, они как раз расчищали путь для буржуазно-демократической революции. Простой народ был им ненавистен, но как

---

¹ Противоположное утверждение в ценной книге Х. Н. Момджяна «Философия Гельвеция» (М., 1955, стр. 37—38) выглядит всего лишь попыткой автора оправдаться в том, что он не подверг изучению этот вопрос.

Антей от прикосновения к земле, они приобретали силу от соприкосновения с ним. Идеология «просветителей», отражавшая противоречивость положения и исторической роли тогдашней буржуазии, противоречива. То, что есть в этой идеологии наиболее прогрессивного и революционного, — близко революционно-демократическому мировоззрению Жана Мелье. То, в чем проявляется ее консерватизм, ограниченность, — враждебно этому революционно-демократическому мировоззрению и, напротив, сближает ее в той или иной мере с феодально-абсолютистской идеологией. Причем обе стороны не соединены механически в идеологии «просвещения», а связаны в противоречивом единстве.

Жан МЕЛЬЕ (1664 — 1729)

подборка материалов <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#meslier>

“ЗАВЕЩАНИЕ” (полный перевод)

<http://trst.narod.ru/jm/oglav.htm>

Б.Поршнев. Жан Мелье

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p82710944.htm>

В.Волгин. Революционный коммунист XVIII в. Жан Мелье и его "Завещание"

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p74652451.htm>

В.Волгин. Французский утопический коммунизм

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p70215973.htm>

Е.Андреева. Мелье. Объединяйтесь же, народы!

<http://www.bibliotekar.ru/andreeva/26.htm>

М.Домманже. Истоки социальных идей Жана Мелье

(к 300-летию со дня рождения)

(в сб. «История социалистических учений»,

памяти академика В.П.Волгина. Отв. редактор Б.Ф.Поршнев)

http://powder-magazine.ucoz.net/load/knigi_i_statii/istorija_istmat/istorija_socialisticheskikh_uchenij_sbornik_pamjati_akademika_v_p_volgina3-1-0-28

Об авторе: Борис Федорович Поршнев (7.03.1905 — 25.11.1972)

<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#porshn>